

0- 496260

На правах рукописи

Корн -

Корнейчук Юлия Васильевна

**СТРУКТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
СИНТАКСИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
В РОССИЙСКИХ ГРАММАТИКАХ
КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

Специальность 10.02.01 – русский язык

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Омск 2012

Работа выполнена на кафедре филологии и массовых коммуникаций
ГОУ ВПО «Нижевартовский государственный
гуманитарный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
ИССЕРС Оксана Сергеевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
ЩЕРБАКОВА Наталья Николаевна
ФГБОУ ВПО «Омский государственный
педагогический университет», заведующий
кафедрой исторического языкознания и
лингводидактики

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

0000788469

кандидат филологических наук, доцент
ДЬЯЧКОВА Ирина Геннадьевна
ФГБОУ ВПО «Омский государственный
университет им Ф.И. Достоевского», доцент
кафедры исторического языкознания

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Уральский государственный
педагогический университет»

Защита диссертации состоится 22 мая 2012 года в 15.30 на заседании
диссертационного совета ДМ 212.179.02 по защите диссертаций на
соискание ученой степени кандидата филологических наук при ФГБОУ
ВПО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского» по
адресу: 644077, г. Омск, ул. Нефтезаводская, 11.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ
ВПО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского».

Автореферат разослан 18 апреля 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Е.А. Никитина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

На протяжении всего существования отечественной лингвистики большое внимание уделялось и уделяется вопросам, связанным с формулировкой дефиниции термина, определением его характеристик, а также с историей возникновения того или иного термина.

Мультипарадигмальность современной науки определяет активное терминотворчество ученых, в связи с чем возникает потребность четкого понимания терминологической номинации. Это, в свою очередь, требует осмысления процессов в диахронии, что позволяет глубже понять логику развития современной терминологии и, в частности, процессы формирования и функционирования терминосистем.

В отечественной и зарубежной терминологии изучено большинство основополагающих вопросов, касающихся как определения самого научного направления, так и более конкретных аспектов – стандартизации и унификации терминологии, места терминологии в контексте литературного языка и др. (Д.С. Лотте, 1931, 1961, 1982; Е. Вюстер, 1935; С.И. Коршунов, 1952; А.М. Терпигорев, 1953; Н.П. Кузькин, 1962; А.А. Реформатский, 1959, 1967, 1968, 1986; Н.З. Котелова, 1970; В.А. Ступин, 1971; Б.Н. Головин, 1972; В.П. Даниленко, 1977; Дж. Лайонз, 1978; И.Н. Волкова, 1984; Л.П. Рупосова, 1987, 1994, 2008; В.М. Лейчик, 1989, 2007; Г.П. Мельников, 1991; С.В. Гринев, 1993, 2008; В.А. Татаринев, 1995; О.В. Борхвальдт, 1998; В.П. Даниленко, 2003; А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева, 2004, 2008; Ю.В. Сложеникина, 2010). Однако во многом остаются неясными вопросы, связанные с возникновением терминов в период формирования языка науки, механизмом отбора термина, наиболее приемлемого для дальнейшего существования в терминологии.

В отечественной лингвистике основа терминологии формируется в конце XVIII – первой половине XIX в. в российских грамматиках М.В. Ломоносова, А.А. Барсова, А.Х. Востокова, Н.И. Греча, Ф.И. Буслаева. Несмотря на то что лингвистические труды перечисленных авторов в целом хорошо изучены (Л.А. Булаховский, 1954; В.В. Виноградов, 1954, 1958; Ф.М. Березин, 1975; Р. Ружичка, 1985; Ф.Б. Иноятова, 1991; А.И. Моисеев, 1991; Т.В. Василенко, 1999; С.В. Смирнов, 2001; В. Томсен, 2004; А.М. Камчатнов, 2005; С.К. Булич, 2011), принципы и механизмы формирования синтаксической терминологии остаются не до конца проясненными.

Таким образом, **актуальность темы исследования** определяется востребованностью изучения понятий и терминов синтаксической терминологии эпохи формирования языка науки. Подтверждением повышенного интереса к лингвистической терминологии в целом может также послужить факт увеличения в последнее десятилетие количества исследований, в которых рассматривается данная проблематика (С.И. Щербина, 2003, В.Б. Шавлюк, 2009, Н.В. Карева, 2011, П.М. Алиева, 2011).

Именно поэтому **объектом исследования** является синтаксическая терминология в российских грамматиках конца XVIII – первой половины XIX века.

Предмет исследования – структурные и семантические характеристики синтаксической терминологии российских грамматик указанного периода с точки зрения формирования современной синтаксической терминосистемы.

Заметим, что структурный анализ неразрывно связан с анализом семантическим и не может проводиться без учета изменения семантики терминологической единицы, однако для нашего исследования отправной точкой является изучение именно структурных особенностей синтаксической терминологии.

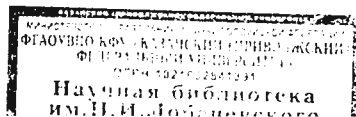
Цель диссертационной работы – диахронический анализ понятий и терминов синтаксической терминологии в российских грамматиках конца XVIII – первой половины XIX века.

Для достижения цели исследования были поставлены следующие задачи:

- выявить понятия и термины синтаксической терминологии, зафиксированные в научных трудах М.В. Ломоносова, А.А. Барсова, А.Х. Востокова, Н.И. Греча и Ф.И. Буслаева;
- определить сходство и различие между ними с точки зрения структуры и семантики и проанализировать общие закономерности образования синтаксических терминов с точки зрения структуры и семантики;
- проследить в рамках рассматриваемых грамматик развитие системы синтаксической терминологии и сравнить с терминами, называющими соответствующие понятия в «Русской грамматике-80»;
- выявить, какую роль сыграли в развитии лингвистической терминологии российские грамматики конца XVIII – первой половины XIX века.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что впервые проводится сравнительно-сопоставительный анализ синтаксической терминологии, представленной в основных российских грамматиках конца XVIII – первой половины XIX века, и ее сравнение с синтаксической терминологией, зафиксированной в «Русской грамматике-80». Тем самым выявляются закономерности становления синтаксической терминосистемы в эпоху формирования науки, механизмы и принципы отбора терминов из синонимического ряда для последующего функционирования в рамках терминосистемы.

Материал исследования был выделен методом сплошной выборки из российских грамматик конца XVIII – первой половины XIX века: «Российской грамматики» М.В. Ломоносова (1755); «Риторики» М.В. Ломоносова (1748); «Российской грамматики» А.А. Барсова (рукопись «Российской грамматики» была составлена по поручению Комиссии о народных училищах в 1784–1788 гг. и опубликована только в 1981 г.); «Русской грамматики Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенной» (1874, издание 12-е); «Сокращенной русской грамматики» А.Х. Востокова (1868); «Практической русской грамматики» Н.И. Греча (1834, издание 2-е); «Начальных правил русской грамматики» Н.И. Греча (1835); «Исторической грамматики русского языка» Ф.И. Буслаева (1959); «Учебника

русской грамматики, сближенной с церковнославянской, с приложением образцов грамматического разбора» Ф.И. Буслаева (1896, издание 8-е).

Методами исследования послужили: метод структурного, семантического анализа, описательно-аналитический метод, сравнительно-сопоставительный метод, некоторые приёмы статистического анализа для представления количественных характеристик исследуемых материалов.

Результатом работы стала авторская картотека, составленная путём сплошной выборки терминов и понятий синтаксической терминологии из указанных источников. Картотека насчитывает 325 синтаксических терминов и понятий.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Начиная с «Российской грамматики» А.А. Барсова, в которой термины и понятия синтаксической терминологии представлены в двух вариантах: русскоязычном и иностранном – количество подобных двойственных по наименованию терминов в последующих русских грамматиках резко снижается и проявляется только в единичных случаях.

2. При первичном введении термина или при изложении его лексического значения термины-словосочетания, составленные по модели сущ. + прил., имеют последовательный порядок с целью акцентировать внимание на уточняющем элементе словосочетания, например: *члены второстепенные, слова определительные*. В последующем упоминании в тексте грамматик возможно двойное употребление подобных терминов – как с последовательным, так и с регрессивным порядком слов, так как читатели уже имеют первоначальное представление о данном термине.

3. В грамматиках А.А. Барсова, А.Х. Востокова, Н.И. Греча и Ф.И. Буслаева среди терминов-словосочетаний преобладают термины с наиболее простой структурной организацией – двухкомпонентные словосочетания, состоящие из основного, ядерного элемента, выраженного, как правило, именем существительным в именительном падеже, и вспомогательного, определяющего элемента. Это дает возможность для последующего терминотворчества и конструирования многословных терминов на основе двухсоставных терминов-словосочетаний, а также позволяет четко определить дефиницию терминов-словосочетаний.

4. Анализируемые российские грамматики конца XVIII – первой половины XIX века стали той теоретической и практической базой для терминологии синтаксиса, на которой основывается современная терминология отечественного языкознания, поскольку именно в этих грамматических трудах происходила фиксация терминов и понятий и их дальнейших качественный отбор.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что оно расширяет наши представления о закономерностях формирования отечественной синтаксической науки, включает их в контекст общего развития знаний об устройстве предложения, а также демонстрирует преемственность использования терминов в научных трудах лингвистов.

Практическая ценность диссертационного исследования заключается в том, что его материал и выводы могут быть использованы при решении спорных вопросов терминологического образования в синтаксических исследованиях, а также в преподавании лекционных курсов по синтаксису и истории лингвистических учений.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования обсуждались на региональной конференции «Актуальные проблемы филологии в школе и в вузе» (XI Методические чтения) (Нижевартовск, 2009); на региональной конференции «Актуальные проблемы филологии в школе и в вузе» (XII Методические чтения) (Нижевартовск, 2010); на II Всероссийской научной конференции с международным участием «Научное творчество XXI века» (Красноярск, март, 2010) (диплом «За высокий научный уровень доклада»); на III Всероссийской научной конференции с международным участием «Научное творчество XXI века» (Красноярск, октябрь, 2010) (диплом «За лучшую научную работу, представленную на конференцию»); на 7-ой Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Современные проблемы науки» (Прокопьевск, 2010); на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы современной науки и образования. Филологические науки» (Уфа, 2010); а также на заседании научно-методического семинара кафедры филологии и массовых коммуникаций Нижевартовского государственного гуманитарного университета. По теме диссертационного исследования опубликовано 12 статей (общим объемом – 4,05 п.л.), в том числе в изданиях, рекомендуемых ВАК, – 4 статьи.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографии и приложения (списка терминов и понятий из анализируемых источников).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **ВВЕДЕНИИ** обосновывается актуальность выбранной темы, определяются объект и предмет, цель и задачи исследования, формулируются научная новизна работы, ее теоретическая и практическая значимость, характеризуются материал и методология его исследования, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

В **ПЕРВОЙ ГЛАВЕ** – «**Грамматическая терминология в истории лингвистической науки**» – рассматриваются особенности формирования терминологии как науки и собственно терминов, их специфика, а также лексикологические процессы, протекающие в терминологии. Выделяются особенности синтаксической терминологии, зафиксированной в российских грамматиках конца XVIII – первой половины XIX века.

«...история всякой науки неизбежно включает в себя и историю развития понятий и терминов в этой области», – считал В.В. Виноградов [Виноградов, 1961].

А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева относят терминологию как научную дисциплину, а также, более конкретно, общую теорию терминологии к двадцатому веку. В качестве особой сферы знания общая терминология, по мнению этих исследователей, возникла после первой мировой войны. «В настоящее время в мире наибольшей известностью пользуются Венская, Канадская и Русская терминологические школы» [Суперанская, 2008].

Появившись в тридцатых годах XX века, терминология, равно как и всякая другая наука, обладает рядом параметров, присущих каждой науке: определенным набором характеристик по различным основаниям, сформировавшимся путем появления новых наименований. До сих пор в современной науке существуют противоположные точки зрения на терминологию в контексте литературного языка.

Д.С. Лотте отмечал, что необходимым условием правильности терминологии является если не достижение полной согласованности между терминами, то исключение противоречий между ними.

Таким образом, неизбежно встает вопрос о путях и способах формирования термина. Исследователи отмечают несколько путей образования терминов. Так, например, Р.А. Будагов указывает, что термины образуются «обычно либо уже из существующих в литературном языке слов путем придания этим последним особого, дополнительного, терминологического значения, либо из иноязычных, чаще всего интернациональных элементов лексики» [Будагов, 1953]. Особенно большое количество заимствованных терминов наблюдается в период формирования языка науки, а также в период формирования отдельных отраслевых терминологий. Как отмечает Л.П. Рупосова, «можно говорить о термине только со второй половины XVII века, когда появляются дефиниции аналитического и синтетического типов» [Рупосова, 1994]. В первой половине XIX века, по мнению О.В. Борхвальдт, толкования терминов становятся более точными.

В диссертационном исследовании мы основываемся на определении *термина*, предложенном В.П. Даниленко: «Под термином мы понимаем слово (или словосочетание) специальной сферы употребления, являющееся наименованием специального понятия и требующее дефиниции» [Даниленко, 1977]. При этом процесс формирования термина проходит несколько стадий. В истории лингвистических учений новые сформировавшиеся понятия, еще не отвечающие всем требованиям, предъявляемым термину, некоторые ученые называют *предтермином* (С.В. Гринев-Гриневич), другие – *понятием* (О.С. Ахманова). Мы, вслед за О.С. Ахмановой, будем определять данное языковое явление как *понятие*, то есть как общее имя, отражающее определенное языковое явление, которое не настолько «развилось и оформилось, что ему можно присвоить совершенно определенно научное выражение» [Ахманова; 1998].

Согласно С.Д. Шелову, «определение (собственно дефиниция) термина – это объяснение его понятийного содержания, закрепляющее в данной тематической области результаты того или иного анализа определяемого понятия и выявляющее его место среди других ближайших для него понятий» [Шелов,

2003]. Таким образом, термины, являясь словами (или словосочетаниями) специальной сферы употребления, обладают рядом особенностей.

Термины обладают своей спецификой в силу отнесения их к определенной терминологии и определенным набором характеристик: однозначностью, полноточностью, автономностью, системностью, непродуктивностью, специфичностью употребления, мотивированностью и рядом других.

В лингвистике имеются как одноуровневые классификации терминов по различным основаниям, так и многоуровневые. В нашем диссертационном исследовании мы основываемся на многоуровневой структурной классификации, предложенной С.В. Гриневым-Гриневичем, поскольку полагаем данную классификацию наиболее подходящей для систематизации и описания синтаксических терминов российских грамматик конца XVIII – первой половины XIX века [Гринева-Гриневич, 2008].

В терминологической лексике происходят те же процессы, которые мы можем наблюдать в общелитературной лексике, то есть полисемию, омонимию, антонимию и синонимию, однако, по мнению терминоведов (С.В. Гринева-Гриневич, А.В. Суперанская), указанные процессы имеют ряд особенностей, поскольку в них участвуют именно термины – то есть специализированные слова или словосочетания.

Изучение русского синтаксиса в целом и терминологии синтаксиса в частности в конце XVIII – первой половине XIX века шло по нескольким направлениям: перенос утвердившихся на Западе грамматических теорий в Россию, а также самостоятельное построение и классификация национальных особенностей и признаков русского грамматического строя. Л.П. Рупосова указывает, что «терминология синтаксиса сложилась позднее, чем терминология фонетики, лексикологии и морфологии. Это объясняется тем фактом, что первоначально синтаксические категории рассматривались не в грамматике, а в логике, а само понятие долго было расплывчатым и нечетким» [Рупосова, 1987].

«Российская грамматика» М.В. Ломоносова представляет собой цельный грамматико-теоретический труд. По мнению Б.А. Ольховика, «описание Ломоносовым современного русского языка не лишено весьма явственно простиупающего влияния грамматиков классической традиции в том виде, как она преломилась на европейской почве» [Ольховик, 2003]. Это просматривается как в целом в рассмотрении русского языка грамматистом, так и в методе характеристики грамматических категорий. В своем научном труде М.В. Ломоносов дает характеристику книжному русскому языку. Ф.Б. Иноятова отмечает, что «Ломоносов заложил основания русской технической и научной терминологии» [Иноятова].

«Российская грамматика» М.В. Ломоносова считается исследователями первой научной грамматикой русского языка. До 20-х-30-х годов XIX века, до появления грамматик А.Х. Востокова и Н.И. Греча, по мнению В.В. Виноградова, период в истории разработки русского синтаксиса можно и должно назвать «ломоносовским» [Виноградов, 1958].

Отличительной особенностью синтаксиса А.А. Барсова является углубленное рассмотрение теоретических вопросов. Как правило, теоретические сведения в «Российской грамматике» предваряют очередную главу научного труда. Теоретические комментарии самого автора совмещаются с приведением сведений из других наук, таких как логика или философия, однако основное внимание А.А. Барсов все же уделяет собственным теоретическим замечаниям относительно той или иной области синтаксиса.

Рассмотрение синтаксиса в «Российской грамматике» А.А. Барсова происходит под сильным влиянием «Российской грамматики» М.В. Ломоносова. Это проявляется даже на уровне терминологии, в том числе в наименованиях терминов синтаксиса, однако часть терминологии, представленная в грамматике А.А. Барсова, является более приближенной к современной синтаксической терминологии, например, терминологическое наименование частей речи.

Основываясь на теоретических положениях, высказанных в своем грамматическом труде М.В. Ломоносовым, А.А. Барсов более углубленно рассматривает вопросы синтаксиса русского языка, поднятые в грамматике его предшественника, а также расширяет круг синтаксических вопросов. Соответственно «объем синтаксиса у Барсова по сравнению с «Российской грамматикой» Ломоносова значительно расширился. Синтаксис Барсова – это обширное учение не только о сочинении частей речи, но и о предложении, включая и сложное предложение» [Виноградов, 1958].

Ведущее место в истории русского языкознания до середины XIX века, безусловно, принадлежит А.Х. Востокову. Значительные успехи в развитии российской науки о грамматическом строе русского языка связаны с его именем. «Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная» (1831) является тем лингвистическим трудом, где нашла свое продолжение и развитие русская грамматическая наука, начало которой было положено в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова.

В научном труде А.Х. Востокова весьма кратко рассмотрен раздел синтаксиса. А.Х. Востоков указывает, что в предложении наличествует только два главных члена – подлежащее и сказуемое. Таким образом, грамматист выводит из числа главных членов предложения связку. Данный факт был отмечен современниками ученого и оценен как новаторский. Определенное внимание А.Х. Востоков в своем научном труде уделяет разделам синтаксиса, посвященным составлению периодов, разделению их знаками препинания и правилам «размещенія слов».

В отличие от А.Х. Востокова Н.И. Греч вел свои лингвистические изыскания в русле западных направлений русского грамматического движения, поэтому, руководствуясь логико-грамматической традицией, в своей грамматике лингвист сосредоточил основное внимание на учении о простом и сложном предложении. Если А.Х. Востоков по сравнению с «Российской грамматикой» М.В. Ломоносова расширяет и углубляет область исследуемого синтаксиса,

включая в него теорию о предложениях, то Н.И. Греч, обращая основное внимание на учение о предложениях, рассредоточивает теорию о словосочетаниях в основном разделе своей грамматики, посвященном синтаксису.

Следующей значимой вехой в истории русского синтаксиса XIX века стал «Учебник русской грамматики, сближенной с церковнославянской, с приложением образцов грамматического разбора» Ф.И. Буслаева. По мнению В.В. Виноградова, «синтаксис Буслаева представляет собой довольно сложную, неорганическую смесь старых формальных логико-грамматических построений, восходящих к «универсальной» грамматике XVIII – начала XIX в., более новых романтических воззрений на ход истории человеческой речи и отголосков сравнительно-исторического языкознания 20–50-х годов XIX в.» [Виноградов, 2005].

ВТОРАЯ ГЛАВА – «Сравнительная характеристика терминов, называющих основные категории синтаксиса, структурные части предложения и категории подчинительной связи» – посвящена непосредственному сравнительному анализу термина *синтаксис*, терминов, называющих главные и второстепенные члены предложения, а также терминов подчинительной связи.

Термин *синтаксис* в рассматриваемых нами грамматиках претерпевает изменения как в своей структуре, так и в своей дефиниции. При анализе терминологической цепи: (*отсутствие самого термина*) – *словосочинение (Syntaxis)* – *словосочинение (синтаксисъ)* – *синтаксисъ, или словосочинение* – *синтаксисъ* – *синтаксис* были выделены следующие структурные изменения:

- 1) термин потерял свои варианты;
- 2) термин изменил свое графическое оформление в соответствии со стремлением к упрощенности структуры – в структуре термина, представленного в рассматриваемых грамматиках, начиная с научного труда Ф.И. Буслаева, отсутствуют скобки либо запятая;
- 3) при первоначальном наличии русскоязычного и иноязычного варианта в конечном итоге в грамматиках утвердился интернационализм – *синтаксис*.

Как и в структуре термина-слова *синтаксис*, в его дефиниции происходят изменения. Во-первых, расширяется область явлений, изучаемых синтаксисом: начиная с «Российской грамматики» А.А. Барсова эта область грамматики включает в себя не только правила сочетания отдельных частей речи, но и правила сочетания предложений. Во-вторых, термин становится многозначным. Среди значений однословного термина *синтаксис* в «Русской грамматике-80» фигурируют как значения, зафиксированные в грамматиках первой половины XIX века, так и значения, возникшие в результате дальнейшего развития термина.

Второе, широкое понимание термина *синтаксис* связано с направлением в исследовании синтаксиса, которое появилось примерно 50 лет назад. «Его предмет – фундаментальные языковые и внеязыковые законы, правила связанной речи в их функциональном (коммуникативном) единстве, обеспечивающем

главное качество и назначение речи – ее способность формировать, выражать, передавать – от говорящего (пишущего) к адресату (слушателю, читателю, собеседнику) сообщение (информацию), будь то мысль, чувство, состояние, воля человека или их сочетание, синтез» [Одинцова, 1998].

Термины, называющие главные члены предложения, в рассматриваемых научных трудах изменились следующим образом:

1) начиная с «Русской грамматики» А.Х. Востокова термины *подлежащее* и *сказуемое* употребляются авторами без семантического соответствия латинскому термину *Subjectum* и *praedicatum*, только в русском варианте – *подлежащее* и *сказуемое*;

2) А.А. Барсов впервые в своих научных трудах вводит термины *грамматическое подлежащее* и *логическое подлежащее*, *грамматическое сказуемое* и *логическое сказуемое*;

3) в «Российской грамматике» А.А. Барсова и «Практической русской грамматике» Н.И. Греча были выявлены две схожие группы терминов, называющих виды подлежащего.

Термины первой группы – *логическое подлежащее* и *грамматическое подлежащее*, *простое подлежащее* и *сложное подлежащее* – совпадают по терминологическому наименованию и дефиниции. Термины второй группы – *несоставное подлежащее* и *составное подлежащее* («Практическая русская грамматика») схожи по своим дефинициям с терминологическими сочетаниями *терминъ простой, или неописанный (incomplexus)* и *термин описанный (complexus)* («Российская грамматика»);

3) в грамматиках были выявлены две группы терминов, называющих виды сказуемого, совпадающих в своем наименовании и/или в своей дефиниции.

Первая группа терминов: *логическое сказуемое* – *грамматическое сказуемое*, выделяемые А.А. Барсовым и Н.И. Гречем, – совпадают по наименованию и по дефиниции.

Вторая группа терминов: *сказуемое сложное* и *сказуемое простое* (А.А. Барсов) – *глагол одинакий* и *глагол составной* (А.Х. Востоков) – *простое сказуемое* – *сложное сказуемое* (Н.И. Греч) – *сказуемое простое* и *сказуемое сложное* (Ф.И. Буслаев) – совпадают по дефиниции;

4) в грамматиках Н.И. Греча зафиксировано наибольшее количество терминов, в том числе и составных, называющих виды подлежащего, а также терминов, называющих виды сказуемого: *подлежащее грамматическое*, *подлежащее логическое*, *подлежащее неотносительное*, *подлежащее несоставное*, *подлежащее простое*, *подлежащее сложное*, *подлежащее составное*, *подлежащее составное относительное*, *сказуемое грамматическое*, *сказуемое логическое*, *сказуемое неотносительное*, *сказуемое несоставное*, *сказуемое простое*, *сказуемое сложное*, *сказуемое собственное*, *сказуемое составное*, *сказуемое составное относительное*, *сказуемое несоставное неотносительное*.

5) при первоначальном наличии двойного – русскоязычного и иноязычного варианта – в конечном итоге в грамматиках утвердились русскоязычный вариант термина – *подлежащее и сказуемое*.

Термин *связка* в анализируемых грамматиках прошел следующую эволюцию:

1) термин *связка* зафиксирован не во всех грамматиках – он отсутствует в «Русской грамматике» А.Х. Востокова;

2) термин-слово *связка* изменяет степень своей зависимости от сказуемого: в грамматике А.А. Барсова *связка* является составной частью сказуемого, в грамматике Н.И. Греча – уже самостоятельной структурной единицей предложения, наряду с подлежащим и сказуемым, в грамматике Ф.И. Буслаева *связка* снова становится частью составного сказуемого;

3) в «Русской грамматике-80» *связка* является служебной словоформой.

Термины, называющие второстепенные члены предложения, изменились следующим образом:

1) в «Российской грамматике» А.А. Барсов зафиксировал некоторые теоретические замечания, ставшие впоследствии основой теории о второстепенных членах предложения;

2) термин *приложение* первоначально не относился к области синтаксиса;

3) термины *слова определительные* и *слова дополнительные* впервые появляются в научных трудах А.Х. Востокова и Н.И. Греча;

4) термин *обстоятельство* появляется в научных трудах Ф.И. Буслаева;

5) в «Практической русской грамматике» зафиксированы дублетные терминологические единицы: *опредѣленія*, или *опредѣлительные слова* и *дополнѣнія*, или *дополнительные слова* соответственно;

6) в «Учебнике русской грамматики, сближенной с церковнославянскою, с образцами грамматического разбора» Ф.И. Буслаева зафиксирован видовой термин *второстепенные члены предложения*;

7) в современной лингвистике закрепились термины *второстепенные члены предложения*, *дополнение*, *определение* и *обстоятельство*.

Теоретические вопросы синтаксической сочетаемости частей речи без наименования самих терминов рассматривались еще М.В. Ломоносовым в «Российской грамматике». Его последователь А.А. Барсов в своей «Российской грамматике» использует термины *согласование (согласіе)* и *управление* с указанием их дефиниций.

В «Русской грамматике» А.Х. Востокова наряду с терминами *согласование* и *управление* встречаются терминологические сочетания *согласование словъ* и *управление словъ*, что связано с позицией автора на рассматриваемые виды подчинительной связи. Н.И. Греч в своем научном труде использует термины *согласование словъ* и *управление словъ* уже без их дефиниций, что указывает на определенную научную разработанность терминов. Кроме того, автор «Практической русской грамматики» приводит две различ-

ные по своим основаниям классификации отношений между предметами со связью управление.

Автор «Учебника русской грамматики, сближенной с церковнославянской, с образцами грамматического разбора» Ф.И. Буславев отмечает дублетные терминологические единицы: *согласование* и *управление* – *согласование словъ* и *управление словъ* и расширяет терминологический аппарат посредством выделения и детального анализа трех видов согласования.

В целом на протяжении конца XVIII – первой половины XIX века в российских грамматиках происходит формирование, развитие, расширение и последующая конкретизация терминологического аппарата подчинительной связи.

«В современном русском языке традиционно выделяется три вида подчинительной связи: согласование, управление и примыкание [Русская грамматика, 1982: 20].

В ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ – «Сравнительная характеристика терминов, обозначающих виды и структурные элементы предложений» – дается сравнительный анализ терминов *простое предложение*, *сложное предложение*, *периодъ*, а также терминов и понятий, называющих их структурные части.

При сравнении приведенных в рассматриваемых грамматиках терминов, характеризующих типы простых предложений, а также наличествующих классификаций, можно сделать вывод, что разделение простых предложений по наиболее общему критерию – по количеству слов в предложении – представлено у А.А. Барсова: *предложения, состоящие из двух слов* и *предложения, состоящие из одного слова*. Кроме перечисленных видов простых предложений, в «Российской грамматике» встречаются такие типы простого предложения, как *отрицательное предложение* и *предложение дополнительное (или вносное)*, относимое другими рассматриваемыми авторами к числу сложных предложений.

Критерий выделения типов простых предложений, представляемый А.Х. Востоковым, отличается большей конкретизацией, по сравнению с предыдущим лингвистом: учитывается наличие личного или безличного глагола в предложении. В соответствии с данным критерием А.Х. Востоков подразделяет простые предложения на безличные и личные.

Первую развернутую классификацию типов простых предложений с указанием их подтипов среди рассматриваемых авторов грамматик можно выделить у Н.И. Греча. Основываясь на критерии «выражения» простых предложений, то есть на том, какую мысль они обнаруживают, лингвист подразделяет все простые предложения на *повествовательные*, *вопросительные* и *повелительные*. Вопросительные предложения, в свою очередь, подразделяются на *восклицательные предложения* и *предложения, служащие ответом*.

Продолжает традицию развернутой классификации также и Ф.И. Буславев, у которого критерием разделения простых предложений по типам является функция, которую выполняют предложения. Соответственно все простые

предложения делятся на *восклицательные* и *повествовательные*. Последние, в свою очередь, делятся на *утвердительные* и *отрицательные*.

В «Русской грамматике - 80» представлены две классификации простых предложений: по цели сообщения и по интонации. По цели сообщения простые предложения подразделяются на вопросительные и невопросительные, которые далее подразделяются на предложения повествовательные, побудительные и предложения со значением желанья. По интонации простые предложения подразделяются на восклицательные и невосклицательные предложения. Наиболее приближенной к классификации простых предложений, представленной в «Русской грамматике-80», оказывается классификация Ф.И. Буслаева.

Таким образом, термин *простое предложение* и термины, называющие виды простого предложения, зафиксированные в грамматиках конца XVIII – первой половины XIX века, по сравнению с аналогичными терминами, зафиксированными в «Русской грамматике-80», претерпели изменения в структурном плане – структура термина стала более простой и проявилась тенденция к уменьшению компонентов, входящих в нее, тогда как терминологические дефиниции не претерпели особых изменений.

При сравнении было выявлено, что дефиниция термина *сложное предложение* рассматривается лингвистами с разных позиций: как предложение, включающее в себя два или несколько подлежащих и сказуемых; как предложение, состоящее из двух и более простых предложений. Многозначным термином *сложное предложение* считает А.А. Барсов. А.Х. Востоков определяет *сложное предложение* как слитное предложение, а Н.И. Греч и Ф.И. Буслаев рассматривают *сложное предложение* как совокупность двух или нескольких простых предложений.

В современной лингвистике *сложное предложение* определяется следующим образом: «это синтаксическая конструкция, тесно связанная с простым предложением, но отличающаяся от него как структурно, так и по характеру сообщения» [Русская грамматика, 1982: 461].

Термин *периодъ* в грамматиках М.В. Ломоносова, А.А. Барсова, А.Х. Востокова, Н.И. Греча и Ф.И. Буслаева определяется не в его классическом варианте, берущем начало от греческой риторической традиции, а как несколько предложений, объединенных друг с другом.

Авторы прописывают в текстах своих грамматик определение *периода*, однако делают акцент на разных подходах к определению. А.Х. Востоков не дает характеристики предложений, входящих в состав периода, а лишь указывает на то, что они должны заключать в себе по одной мысли. В «Практической русской грамматике» Н.И. Греч дважды дает логическое определение термина. Первое определение, приведенное автором на стр. 233 «Практической русской грамматике», более лаконично характеризует период как «полное выражение мысли во всѣх частяхъ ея, однимъ ли логическимъ предложениемъ, или совокуплениемъ нѣсколькихъ предложенийъ въ одно цѣлое» [Греч,

1834: 233]. Ф.И. Буслаев предлагает более краткое, чем у предыдущих авторов, определение, акцентируя внимание на структуре предложений, входящих в состав периода. Дескриптором термина *период* у А.А. Барсова, Н.И. Греча и Ф.И. Буслаева является «несколько предложений», составляющих период. В грамматиках прослеживается соотнесение *простого периода* с наличием одного главного предложения, а *сложного периода* – с двумя или несколькими главными предложениями.

Структурные особенности периода находят свое выражение в словосочетаниях *простой период*, *сложный период* и *смешанный период*, обладающих уточняющим значением. Конкретизирующее значение конструкций заключено в определяющих элементах словосочетаний.

Способы выражения структурных и семантических особенностей термина *период* различны: многочисленной группой представлены конструкции, однотипные по своей структуре: имя прилагательное + имя существительное, где имя существительное представляет основное лексическое значение термина, а имя прилагательное – дополнительное значение, носящее конкретизирующий характер. Часть моделей представляет собой однословные производные терминологические единицы. Также можно встретить многочленные конструкции с разными типами связи.

Представленные в рассматриваемых грамматиках классификации *периода* по семантическим и структурным особенностям способствуют конкретизации значения термина, однако характеризуют *период* с синтаксической точки зрения, представляя его как термин лингвистики, а не риторики.

В ЧЕТВЕРТОЙ ГЛАВЕ – «Употребление терминов препинания, «образного синтаксиса» и логических категорий в российских грамматиках конца XVIII – первой половины XIX века» – рассматривается употребление *логических категорий* в грамматиках конца XVIII – первой половины XIX века, терминов, называющих знаки препинания, термина *порядок слов*, а также терминов *образного синтаксиса*.

Традиционная логика являлась первым этапом развития формальной логики (IV в. до н.э. – конец XIX – начало XX веков). Традиционная логика занималась изучением мышления на основе естественного языка. Он считался не вполне приемлемым для реализации данной цели вследствие своей многозначности, а также бесформенности правил построения выражений. Категории, наличествующие в логике, переносились в область синтаксиса: *подлежащее* в двусоставном предложении соотносилось с *субъектом*, а *предикат* – со *сказуемым*.

Полагая предложение выражением суждения, А.А. Барсов, однако, в «Российской грамматике» разделяет форму предложения и форму суждения. Лингвист указывает на несоответствия между формой суждения, состоящей из субъекта и предиката, и предложениями различных типов.

В соответствии с законами традиционной логики Н.И. Греч анализировал предложение по модели суждения (*субъект есть предикат*). За основу он

принимал тип предложения, который наиболее близко подходил по своей структуре к логическому суждению.

Говоря о свойствах предложения, Н.И. Греч указывает, что оно должно содержать как понятие о предмете, так и понятие о принадлежности предмета [Греч, 1834: 220–221]. Таким образом, в предложении обычно представлены несколько связанных друг с другом понятий, характеризующих предмет с категориальных и видовых позиций. Сравните: «в предикации компонент, имеющий наибольшее значение предметности, называется подлежащим, а другая часть – сказуемым» [Блумфилд, 1968: 181].

С точки зрения логики рассматриваются Н.И. Гречем и второстепенные члены предложения, поскольку ученый классифицирует их по значению. Среди второстепенных членов предложения он выделял *дополнение* и *определение*. *Обстоятельство* в качестве самостоятельного второстепенного члена предложения ученым не рассматривалось и включалось им в разряд определений. Однако дополнения и определения («определяющие слова») не имели соответствия в схеме «субъект есть предикат», поскольку лишь служили «кь опредѣленію главныхъ» [Греч, 1834: 234].

Таким образом, основываясь на понятиях традиционной логики, Н.И. Греч уже на этапе изучения главных и второстепенных членов предложения, а также самого предложения основное внимание обращал на выражение логических категорий в синтаксисе. Он разделял понятия на логические и грамматические. Анализируя предложение по модели суждения, лингвист выделял взаимосвязь между суждением как мыслью и предложением как его словесным выражением.

Ф.И. Буслаев в определенной мере упрочил и развил логическое направление в синтаксисе. Он оперирует такими категориями, как представление, понятие, суждение и умозаключение. Лингвист разработал разветвленную классификацию суждений по нескольким категориям. Суждение и умозаключение у Ф.И. Буслаева имеют свои особенности: формирование суждения проходит две стадии, а умозаключение не всегда соответствует в языке сложному предложению.

Теоретическая основа учения о знаках препинания начинает формироваться уже в первых российских грамматиках. М.В. Ломоносов в «Российской грамматике» во втором наставлении «О чтении и правописании российском» в главе четвертой говорит о группе так называемых *разных* знаков. Знаки, которые употребляются в строках, называются *строчными*, а знаки, употребляемые над строками, – *надстрочными*. Таким образом, М.В. Ломоносов делит категорию обозначений с общим значением «знак», встречающуюся в тексте наряду с буквами, на две подкатегории – *строчные знаки* и *надстрочные знаки*.

Группа *известных* знаков, употребляемых при буквах на письме и в печати, имеется и в «Российской грамматике» А.А. Барсова. Ученый подразделяет их на *надстрочные знаки* и *строчные знаки*. Данное деление совпадает с классификацией М.В. Ломоносова.

Далее А.А. Барсов уточняет, что употребление строчных знаков называется отдельным термином – *препинание (interpunctio)*. У А.Х. Востокова, и у Н.И. Греча встречается терминологическое словосочетание *знаки препинания* без указания дефиниции. Ф.И. Буслаев также называл специальные знаки *знаками препинания*, однако далее в тексте следовала конкретизация термина, основанная на его функциональной характеристике – «т.е. знаками остановки» [Буслаев, 1896: 132].

Подразделяя знаки препинания на две основные группы, М.В. Ломоносов выделял внутри подкатегории строчных знаков восемь терминологических единиц: *запятую, точку, две точки, точку с запятой*, а также *вопросительный знак, удивительный знак, единительный знак и вместительный знак*; а среди подкатегории надстрочных знаков – две терминологические единицы, однако без указания их терминологического наименования: *одну черту над гласными* «для указания разного ударения в речениях разного наименования, а одного выговора» и *скобку над ѣ*, служащую для выражения краткости [Ломоносов, 1952: 429]. Остальные надстрочные знаки, перенятые у греческих грамматиков и присутствующие в церковных книгах в немалом количестве, по мнению М.В. Ломоносова, являлись излишними.

Вслед за М.В. Ломоносовым А.А. Барсов признавал «нужными» также только два надстрочных знака: *скобку над ѣ* «для показанія сокращеннаго и какъ бы половиннаго голоса сей буквы» и *знак, показывающий ударный слог* [Барсов, 1981: 73]. Дефиниции терминов, обозначающих данные надстрочные знаки, во многом совпадают. А.А. Барсов, в отличие от М.В. Ломоносова, который определяет ударение как «одну черту над гласными», вводит для этого термины, представленные синонимичным рядом имен существительных, – *силу или ударение*. Кроме того, А.А. Барсов, раскрывая дефиницию термина, детально описывает графическое изображение этого знака: «въ черточкѣ, проведенной вкось надъ гласною буквою, сверху внизъ отъ правой руки къ левой» [Барсов, 1981: 73]. Термины совпадают по морфологическим признакам – имя существительное. У А.А. Барсова *сила или ударение* представляет собой синонимичную двухчленную терминологическую конструкцию. С развитием лингвистической терминологии такое сочетание изменяется, и в «Словаре лингвистических терминов» встречается двусоставная конструкция «*ударение силовое*» [Ахманова, 2010: 482].

Представленные в «Русской грамматике» А.Х. Востокова знаки препинания отличаются от предыдущих грамматик количественной характеристикой – десять знаков препинания. Лингвистом дается градация знаков препинания в порядке возрастания паузы, которую они выражают, а затем уже перечисляются остальные знаки, как то: *знак вопросительный, знак удивительный* и так далее. В порядке изложения знаков препинания можно проследить определенную взаимосвязь между смысловой характеристикой знака и порядковым местом, которое он занимает в общем перечислении: «запятая, показы-

вающая кратчайшую остановку голоса. Точка съ запятой, показывающая остановку вдвое долге запятой» [Востоков, 1874: 168]. Таким образом, из порядка перечисления знаков препинания можно сделать вывод, что они расположены в порядке возрастания длительности остановок голоса.

У Н.И. Греча в «Практической русской грамматике» представлена уже сложившаяся классификация знаков препинания, основанная на грамматической связи или разности между предложениями и их частями.

В зависимости от выполняемой ими функции в предложении знаки делятся на: *разделительные* знаки препинания, *определятельные* и *вспомогательные*. Первые два подраздела можно определить как основные, а третий подраздел – вспомогательные знаки препинания – как второстепенный, призванный способствовать отражению грамматической связи в предложениях в тех случаях, когда разделительных и определятельных знаков оказывается недостаточно.

Таким образом, М.В. Ломоносов в «Российской грамматике» разработал общую теоретическую основу пунктуации, определил значение знаков препинания и общие правила их употребления. Кроме того, он сформулировал основной принцип расстановки знаков препинания – в соответствии со смысловой и структурной сторонами речи.

А.А. Барсов в «Российской грамматике» расширяет теоретическую часть учения о пунктуационных знаках, в том числе вводит терминологические наименования для знаков пунктуации, ранее не обладавших таковыми, а также предлагает в тексте грамматики более развернутые формулировки правил использования знаков препинания.

А.Х. Востоков, Н.И. Греч и Ф.И. Буслаев подводят определенные итоги изысканиям предшествующих авторов и представляют подробные характеристики значений знаков препинания, правила их расстановки, а также классифицируют знаки препинания по различным основаниям.

Таким образом, в российских грамматиках первой половины XIX века происходит формирование теоретической основы учения о знаках препинания. Авторы грамматик исследуют дефиниции терминов, обозначающих знаки препинания, характеристики их значений, правила расстановки знаков препинания, а также приводят классификации знаков препинания по различным основаниям.

Наряду с рассмотрением теории о знаках препинания, авторы российских грамматик первой половины XIX века в своих научных трудах большое внимание уделяли вопросу порядка расположения слов в предложении, а также предложений в составе периода. При описании местоположения главных и второстепенных частей предложения А.А. Барсов использует понятие *порядок*, А.Х. Востоков говорит о *размещении слов*, а Н.И. Греч и Ф.И. Буслаев употребляют термин-словосочетание «порядок слов». Дескриптором конструкций *естественный /логический/ первоначальный порядок слов* является прилагательное *естественный*, присутствующее во всех перечисленных сло-

восочетаниях. Deskриптором конструкций *особенный или свободный порядок и измененный порядок* является прилагательное «иной», то есть отличный от естественного. Типы порядка слов, представленные в российских грамматиках, можно соотнести с *прямым и обратным* порядком слов, которые выделяются в современном языкознании.

Грамматики русского языка первой половины XIX века очень кратко касаются вопроса *образного синтаксиса*. Так, например, А.А. Барсов в своей «Российской грамматике» лишь слегка затрагивает феномен *фигур синтаксических*, которые «называются образы, а употребление их в речи – словосочинение образное» [Барсов, 1981: 165]. Рассмотренные в «Российской грамматике» А.А. Барсова и «Практической русской грамматике» Н.И. Греча основные термины *образного синтаксиса* представляют собой однословные термины, выраженные именем существительным. Наблюдается определенное различие в классификации по родо-видовым отношениям конкретных конструкций. Так, Н.И. Греч определяет ряд рассматриваемых им понятий *образного синтаксиса*, таких как опущение и многосоюзие, не как самостоятельные фигуры словосочинения, а как способы выражения других грамматических фигур.

Конструкции, называющие фигуры словосочинения, представляют собой симметричные синонимичные ряды терминов, поскольку состоят из одинакового количества компонентов.

В ЗАКЛЮЧЕНИИ подведены итоги исследования, сформулированы основные выводы, изложена перспектива дальнейшего научного поиска.

Для истории отечественной лингвистической науки конец XVIII – первая половина XIX века являются важным, переломным периодом. Начиная с «Российской грамматики» М.В. Ломоносова российские лингвисты стремятся систематизировать весь теоретический материал в разных областях языка и создать свою грамматическую традицию. Позднее всего формируется синтаксис, поскольку эта область языка долгое время рассматривалась в рамках логики, а само понятие синтаксиса было неясным.

Труды пяти выдающихся отечественных ученых во многом определили дальнейшее развитие лингвистической мысли в России. Основу русского синтаксиса заложил М.В. Ломоносов в своем научном труде «Российская грамматика». А.А. Барсов в «Российской грамматике» углубил и расширил область изучаемого синтаксиса, добавив к учению о словосочетании учение о предложении. А.Х. Востоков в своей научной деятельности продолжает изучение синтаксиса. Н.И. Греч не только развил и углубил учение о предложении, но и сделал предложение в своих лингвистических трудах основным предметом изучения. Последний из рассматриваемых нами лингвистов – Ф.И. Буславев – подводит некоторый промежуточный итог изучению русского синтаксиса.

При сравнительном анализе терминов и понятий синтаксической терминологии, зафиксированных в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова, «Российской грамматике» А.А. Барсова, «Русской грамматике Александра Востокова», по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложен-

ной», «Практической русской грамматике» Н.И. Греча и «Учебнике русской грамматики, сближенной с церковнославянской, с приложением образцов грамматического разбора» Ф.И. Буслаева, а также при сопоставлении изученных терминов и понятий с терминами, называющими соответствующие понятия, зафиксированные в «Русской грамматике-80», было выявлено, что в «Российской грамматике» А.А. Барсова термины и понятия синтаксической терминологии представлены в двух вариантах: русскоязычным и иностранном. Первоначально автором приводится полный вариант термина, содержащий как русскоязычный компонент, так и иноязычную часть. Далее в тексте грамматики термины употребляются преимущественно в своем эллиптическом варианте с указанием только русскоязычной части термина. В последующих рассматриваемых грамматиках количество подобных двойственных по наименованию терминов резко снижается и проявляется только в единичных случаях.

В исследуемых грамматиках конца XVIII – первой половины XIX века впервые зафиксированы термины синтаксиса, вошедшие в русскую лингвистическую терминологию и закрепившиеся в ней. Например, в «Российской грамматике» А.А. Барсова впервые встречаются термины *грамматическое подлежащее, логическое подлежащее, грамматическое сказуемое, логическое сказуемое, сложное предложение*; в научных лингвистических трудах А.Х. Востокова и Н.И. Греча впервые употреблены термины *слова определительные (определение) и слова дополнительные (дополнение)*; в «Учебнике русской грамматики, сближенной с церковнославянской, с приложением образцов грамматического разбора» Ф.И. Буслаева впервые встречается термин *обстоятельство*.

В грамматиках А.А. Барсова, А.Х. Востокова, Н.И. Греча и Ф.И. Буслаева среди терминов-словосочетаний преобладают термины с наиболее простой структурной организацией – двухкомпонентные словосочетания, состоящие из основного, ядерного элемента, выраженного, как правило, именем существительным в именительном падеже, и вспомогательного, определяющего элемента. При первоначальном употреблении или при изложении лексического значения термина термины-словосочетания, составленные по модели *сущ. + прил.*, имеют последовательный порядок, очевидно, с целью акцентировать внимание на уточняющем элементе словосочетания, например: *члены второстепенные, слова определительные*. В последующем упоминании в тексте грамматик возможно двоякое употребление подобных терминов – как с последовательным, так и с регрессивным порядком слов.

В рассматриваемых грамматиках можно выделить ряд понятий и терминов, встречающихся у всех изучаемых нами авторов, которые совпадают по своему терминологическому наименованию и/или дефиниции. К названным понятиям и терминам относятся основополагающие понятия и термины синтаксиса – такие как *синтаксис, предложение, подлежащее, сказуемое* и ряд других.

Для понимания логики развития терминологической системы русского языка существенным представляется тот факт, что в «Русской грамматике-80» нашли свое отражение русские или русскоязычные варианты понятий и терминов, зафиксированных в российских грамматиках конца XVIII – первой половины XIX века.

Таким образом, можно утверждать, что анализируемые лингвистические труды сыграли значительную роль в становлении и развитии лингвистической терминологии в целом и синтаксической терминологии в частности, заложив основу для дальнейшего развития терминосистемы русистики.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

В рецензируемых научных изданиях, включенных в реестр ВАК Минобрнауки РФ:

1. Корнейчук, Ю.В. Наименование видов простого предложения в российских грамматиках конца XVIII – первой половины XIX вв.: структурный и семантический аспекты [Текст] / Ю.В. Корнейчук // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – Пятигорск: ПГЛУ, 2011. – № 4. – С. 49–54.

2. Корнейчук, Ю.В. Сложное предложение и его структурные компоненты в российских грамматиках конца XVIII – начала XIX века: терминологический аспект [Текст] / Ю.В. Корнейчук // В мире научных открытий. Серия «Гуманитарные и общественные науки». – Красноярск: Научно-инновационный центр. – 2012. – № 4.4 (28). – С. 199–213.

3. Корнейчук, Ю.В. Термины подчинительной связи в российских грамматиках конца XVIII – первой половины XIX века [Текст] / Ю.В. Корнейчук // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – Пятигорск: ПГЛУ, 2010. – № 4. – С. 24–28.

4. Корнейчук, Ю.В. Знаки препинания в российских грамматиках первой половины XIX века [Текст] / Ю.В. Корнейчук // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия «Филология». – Иркутск: ИГЛУ, 2011. – № 1 (13). – С. 39–45.

В сборниках трудов и материалов всероссийских и международных конференций:

5. Корнейчук, Ю.В. Специфика функционирования языковых явлений в области терминологии [Текст] / Ю.В. Корнейчук // Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции «Перспективные инновации в науке, образовании, производстве и транспорте 2011». Том 22. Философия и филология. – Одесса: Черноморье, 2011. – С. 59–62.

6. Корнейчук, Ю.В. Рассмотрение логических категорий, встречающихся в научных трудах Н.И.Греча [Текст] / Ю.В. Корнейчук // III Всероссийская научная конференция «Научное творчество XXI века» с международным участием (октябрь 2010 г.) // В мире научных открытий. – Красноярск, Научно-информационный издательский центр, 2010, № 6.3(12). – С. 124–127.

7. Корнейчук, Ю.В. Термины «образного синтаксиса» в грамматиках первой половины XIX века [Текст] / Ю.В. Корнейчук // Актуальные проблемы современной науки и образования. Филологические науки: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Т. V. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – 544 с. – С. 21–24.

8. Корнейчук, Ю.В. Формирование теоретической основы учения о знаках препинания в грамматиках первой половины XIX века [Текст] / Ю.В. Корнейчук // (7-ая Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Современные проблемы науки»: Материалы конференции (26 марта 2010 г.) / Филиал ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» в г. Прокопьевске – Прокопьевск: РИО ПФ КемГУ, 2010. – С. 94–98.

9. Корнейчук, Ю.В. Становление понятийной структуры термина «период» в грамматиках первой половины XIX века [Текст] / Ю.В. Корнейчук // II Всероссийская научная конференция «Научное творчество XXI века» с международным участием (март 2010 г.) // В мире научных открытий. – Красноярск, Научно-информационный издательский центр, 2010. – № 2(08), Часть 4. – С. 50–52.

Подписано в печать 13.04.2012. Формат бумаги 60x84 1/16.

Печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,6. Тираж 100 экз. Заказ 099.

*Отпечатано на полиграфической базе ОмГУ
644077, г. Омск 77, пр. Мира, 55а*

10 ~